

РАБОЧАЯ ГАЗЕТА.

Воскресенье,

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
к № 99.

2 июля 1922 г.

Трубка мира.

Рис. худ. М. Черемных.

ЛИТВИНОВ (протягивая трубку мира): не хотите ли затнуться, „господа“?
АНТАНТА: Извините, Не курящие!

Беспристрастный суд.

Правые эсеры, подумав и пошептавшись, заявили Верховному Трибуналу:

— Ну, будет: отводим мы вас. Посудили, да и довольно! Не признаем мы такого суда.

— Вот-те раз! Как же теперь быть то?—испугался и удивился Трибунал.

— А так и быть. Можете самокассироваться и саморазогнаться. Что это, в самом деле: коммунисты эсеров судят! Мы беспристрастного желаем суда! Вот, если бы, например, пролетариат нас судил...

Трибунал вздохнул, самокассировался и уступил место пролетариату.

— Прошу встать: суд идет!—сказали эсерам.

— Как не встать: об том думали!—сказали эсеры.—Мы же этого суда не признаем, да мы же и вставать перед ним будем? Чудно!

— Но ведь вы же сами хотели, чтобы пролетариат...

— Это не такой пролетариат,—внушительно заявил Гоц.

— Это такой пролетариат, который против нас, а нам нужен такой пролетариат, который был бы за нас,—рассудительно подтвердил Гендельман.

А Лихач убедительно пояснил:

— Классового, пристрастного суда мы не признаем. Пускай нас такой пролетариат судит, который внеклассовый. И чего Наркомюст смотрит, не понимаем?

— Тьфу!—рассердился Наркомюст.—Да ведь не бывает такого пролетариата!..

Эсеры подумали, пошептались и заявили:

— А если не бывает, так чего же вы раньше-то не сказали? Только процесс затягиваете, ей-богу! Не признаем мы таких судов. Эй, пролетариат, не толпись! Расходись! Не напирай, которые!.. Уж пускай нас беспристрастная история судит.

Пролетариат разошелся. На сцену выступил суд истории; М. И. Покровский возгласил:

— Встаньте: беспристрастный суд идет!

— Гы...—гы. Уж и беспристрастный!—хихикнули, плотнее усаживаясь на скамьи подсудимых, эсеры.—Нашел, тоже, нелюбезия!

— Но позвольте... Ведь вы же сами хотели суда истории? — удивились эсерам.

— Это не такая история,—поучительно сказал Гоц.

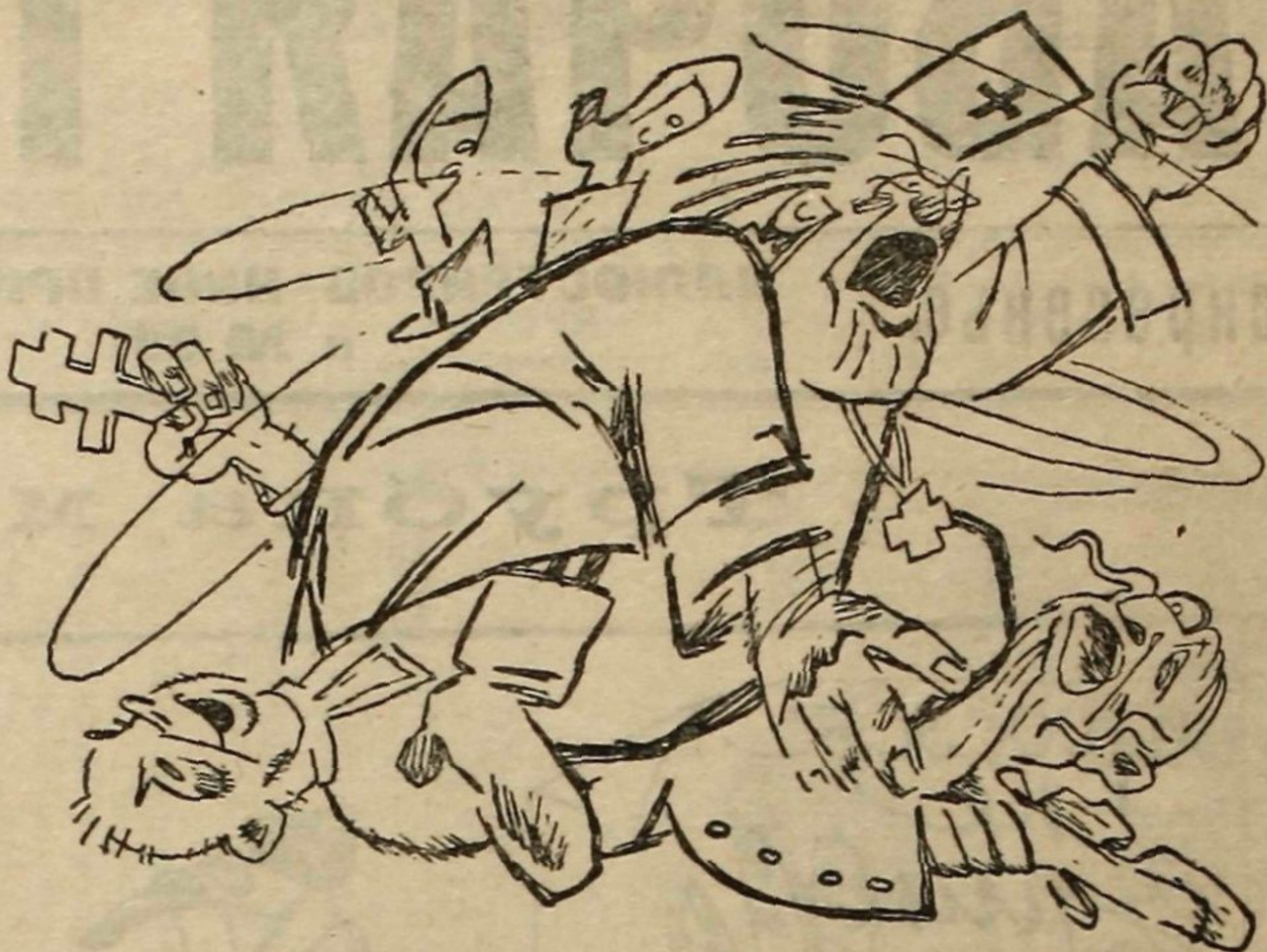
— Это такая история, которая допускает материалистическое понимание и которая привела к диктатуре пролетариата,—назидательно сказал Гендельман.—Скажите на милость: сама же временное правительство ниспровергла, сама же разгоном учредительного собрания занималась, да сама же и судить нас будет? Нечего сказать, беспристрастие!..

— Мы—идеалисты, романтики,—мечтательно добавил Тимофеев.—Нам идеалистическая история нужна, по Чернову которая получалась бы, а не такая! Этой мы заявляем отвод.

А Лихач язвительно закончил:

Поповский Интернационал.

Рис. худ. И. Малютина.

1) Недавно у раввина, ксендза да попа башна была тупа: рознь у них была национальная, а драна—идеальная. Когда ксендзу попадался поп, он его по физиомордии—хлоп, а когда раввин встречал ксендза, он ему выцарапывал глаза...

2) А теперь живут они тихо да чинно: из'ятие ценностей тому причина. Всем им без ценностей, нан-то несподручно, всем им без золота снучно. Здорово их декреты об из'ятии донанали.

Как же тут не об'единиться в поповском Интернационале?..

— Да что с ней стесняться, в самом деле? Конечно, отвод: отведем ее назад, вот и все. Эй, ты, старая, назад осадил!.. Осади назад, честью говорят!..

Но история назад не осадил: с ней решительно ничего нельзя было сделать. История спокойно дошла до того самого места, где П. С. Р. попала под суд Верховного Революционного Три-

бунала. Затем начался процесс эсеров... И все пошло своим чередом. Чуть-чуть только отклонился в сторону председатель Трибунала, т. Пятаков. Он взглянул укоризненно на подсудимых и сказал:

— Ну, стоило ли, граждане, бесцельно затягивать процесс?..

Грамен.

Рассказ А. Неверова.

Поросенок

К вечерне звонят. Матушка у окна штопает батюшкино полукафтаны. Маленький рыжеволосый батюшка, о. Афанасий ходит в одних чулках, запрокинув голову, лениво гнусавит стихиру.

— Яко по суху пешетествовав Израиль.

На сундуке облизывается кошка. Тикает маятник за перегородкой. На улице падает мокрый снежок. Кошка вдруг прыгает с сундука, царапает дверь.

— Вот дрянь: то в комнату, то из комнаты. Лови мышей иди.

Входит Отроков высокий дячек с хлебными крошками на усах. Пальто распахнуто, шапка на боку. Несколько секунд стоит молча, разглядывая лужицы от сапог.

— Слякоть начинается.

Садится у стола, поднимая ногу в уровень со столом, вздыхает.

— Молиться не хочется. Дон, дон—какая польза? Бывало поделишь братскую кружку—двадцать рублей, тридцать рублей, а сапоги стоили четыре с полтиной. Купил я раз шагреньевые за восемь рублей—полтора года таскал. Подбил подметки—еще год прошмыгал.

Матушка говорит от окна, обкусывая нитку.

— Теперь надо схоронить человек пятьдесят да обвенчать человек пятьдесят ежедневно, а брать по двести тысяч с каждой жизнью. Религию не надо, духовенство не надо. Связались со своей коммуной и тискают всем.

Отроков оглядывается.

— С коммуной они не пропляшут. Крышка ей.

— Разве что слышно?

— Англия поднимается.

— Откуда вы слышали?

— Факт. Только это по секрету между нами.

Входит старуха Проскурина с мешком. Крестится одной рукой, а в мешке поросенок хрюкает. Сердце у батюшки прыгает радостно-радостно. Псаломщицкое сердце сжимается.

— Неужто попу одному?

Держит старуха поросенка вниз головой, говорит смиренным голосом, поглядывая на духовных.

— Помяните за покой раба божьего Яфима.

Отроков первый тянется с рукой к поросенку, о. Афанасий опережает его. Берет поросенка за левую ногу.

— Какой тяжелый, бог с ним. Фунтов на десять будет.

— Нет, на десять не уложишь—говорит Отроков и опять тянется с рукой к поросенку.

— Стойте, стойте—волнуется о. Афанасий.— Матушка, возьми ка его.

Матушка берет поросенка на руки, ласково чешет ему за ушами.

— Свинка что-ли?

— Свинка, свинка. Он так и наказывал покойный: когда говорит опоросится племянная свинья, отнесите батюшке свинку. Пускай помолится за меня.

О. Афанасий гладит бородку.

— Ну, дай бог ему, хороший был человек царство небесное.

Отроков стоит нахмуренный, ноздри раздуваются.

— По моему, это—не свинка.

— Все равно, и боровак не хуже свинки.

Отроков отворачивается, чтобы спрятать задрожавшие губы, на глазах выступают слезы. С сердцем дергает поросенка за хвост.

— Дуралей какой!

2.

В церковь о. Афанасий летит на крыльях, высоко поднимая ноги. По-бабьи придерживает подол полукафтаны, подмигивает.

— Какие мы люди! Ропшем, жалуемся, а Господь невидимо посылает. Вот, мол тебе Афанасий маловерный, — свидетельствую.

В ризнице забывает поцеловать епитрахиль, страшно торопится. Звонко поет из алтаря тенорком.

— Благословен бо-ог на-аш...

Отроков на клиросе не отвечает. Стоит с зажженным огарком в руке, мучительно думает.

— Имею ли я право на этого поросенка?

О. Афанасий шепчет в южные двери.

— Василий Спиридонич, начинайте.

Отроков молчит. Мерит батюшку пылающим взглядом и вдруг отворачивается.

— Василий Спиридонич, возглас подай.

Отроков злобно стискивает зубы.

— Аминь.

Пока читает часы, перескакивая с пятого на десятое, о. Афанасий с книжечкой в руке перед царскими вратами весело думает.

— Я его обязательно выкормлю. Месяца через два он у меня во—какой будет.

Отроков на клиросе говорит себе голосом успокаивающим.

— Ты тоже духовное лицо. Если в поросенке четырнадцать фунтов, то четыре две третьих тебе приходится. Этим шутить нельзя.

От вечерни идут подавленные. Отроков

молчит. Около полисадника неожиданно улыбается.

— Хороший всетаки русский народ.

— Что?

— Народ, говорю, хороший. Смотрите, какой кусок попал сегодня нам с вами.

— Ах, вон что!

О. Афанасий шурит левый глаз, легонько вздрагивает. Под рубашкой жарко, в виски ударяет кровь.

— Вы тоже в долю метите?

— А вы как думаете?

— Немножечко иначе, Василий Спиридонич.

— Т. е., как иначе?

— Очень просто. Когда опоросится еще одна свинья и поросенка принесут в мой дом, тогда мы будем делить его пополам.

— Позвольте, позвольте, батюшка!

— Да, да, Василий Спиридонич. Когда опоросится еще одна свинья.

Меня крайне возмущает такое отношение и я приписываю его исключительно вашей зловредности.

О Афанасий идет на крылечко с гордо-подчятой головой. Отроков стоит около полисадника, камнем ушибленный в лоб. Быстро догоняет батюшку, задышавшись кричит.

— Примите Христа ради!

— Не махивайтесь!

— Фарисей! Книжник!

Не находит Отроков третьего ругательного слова, с сердцем плюет на резиновую галошу о. Афанасию. О. Афанасий загорается, поднимает ногу.

— Это что?

Грозит указательным пальцем.

— Василий Спиридонич, не забывайтесь!

Отроков тоже грозит указательным пальцем.

— Я вас выучу.

Падает мокрый снежок.

3.

Вечером Отроков хворает. Рубаха распоясана, ворот растегнут. То поднимется, то снова упадет лицом в подушку. Стонет. Закроет глаза, а поросенок тут как тут: белый, породистый, с большими ушами. Часы за перегородкой бьют семь раз. Отроков прыгает на пол, стоит часовым около косяка.

— Чтобы такое сделать?

Выходит на улицу, пробует загородку у батюшкиного полисадника—хилая. Тащит на себя—трясется. Тащит сильнее—падает.

— Я вас выучу.

О. Афанасий сидит на полу в одних чулках, сколачивает корытечко. Волосы рассыпаны по вискам, за ухом—карандаш. Рядом—доски, гвозди, топор, пила, молоток. Теперь он плотник. Шурит левый глаз, поправляет волосы, задумывается, легонько гнусавит стихиру.

— Видя потопляема, Богу победную песнь поим, вопияше.

Отрокову душно. Смотрит в окно из полисадника, строит козни. Сначала мысленно бьет по ногам поросенка. Поросянок хромает. Мало. Травит собаками на

пустыре. Мало. Поросенок все еще жив. Загонит в уол на дворе у себя, бьет два раза по голове, — поросенок мертвый. Вот, ночью тащит на огород.
— Я вас выучу.

4.

За ужином псаломщица говорит.
— Беда. Вчера щи не доели, сегодня опять не доедим, каша остается, куски. Поросенка бы что ли купить?

Отроков хмурится.
— Какая жизнь. Целый год мяса не видим. Нынче постное—завтра постное—с ума сойдешь. Ты поищи. Вася, где-нибудь, он незаметно подрастет около нас.

Отрокову тяжело. С сердцем бросает ложку на стол, кричит не своим голосом.

— Брось! Не надо об этом.

Успокоившись, рассказывает историю о пожертвованном поросенке. Теперь псаломщица кричит.

— Умница, из рук упустил!

— Я не виноват.

— Молчи, молчи. Раз старуха сказала „помяните“—значит обоим вам. Если бы она сказала „помяни батюшка“—да и то не приходится. Ты тут был. И так и эдак—обоим вам.

5.

О. Афанасий с корытечком в руке, весело говорит поросенку.

— Блюдо сделал тебе, дурак ты эдакий, не скули. Щами будем кормить тебя, растолстеешь. Выростешь большой, принесешь нам поросенок штук десять. Вкусных!

По комнате на одной ноге прыгают попята—Володька с Женькой. Володька кричит

— Папа, пускай одиннадцать принесет.

— Ну, это дело. И десять хорошо. Будем кушать тогда поросятину. Женьке—ухо. Владимиру—ухо. Сла-адкое!

Псаломщица входит неожиданно. Платок коньком на голове, губы подергиваются.

— Здравствуйте, батюшка. Добрый вечер, матушка.

О. Афанасий вздрагивает, чуть корытечко не роняет из рук. Матушка прижимает поросенка к сердцу, как детище, которое хочет отнять нечестивый царь Ирод. Псаломщица показывает на корытечко.

Гробик что ли кому сделан?

О Афанасий мысленно.

— Ведьма!

Но не теряется, спрашивает.

— Разве кто помер у вас?

Псаломщица наступает вперед

— Который здесь поросенок?

Матушка с поросенком отступает назад.

— Марья Захарьевна, как вам не стыдно?

— А вам не совестно?

Между ними—о. Афанасий.

— Марья За-

харьевна, дело было вот как:

Ставит перед лицом у нее указательный палец, часто мигает.

Дело было вот как...

— Врете, врете!

О. Афанасий прыгает с корытечком в руке.

— Позвольте, позвольте я не люблю сутяжничать. Дело было вот как. Если бы поросенка положили нам в кружку, тогда да. Спорить тут нечего—факт. Но какое вы имеете право теперь? Поросенка принесли в мой дом, отдали мне в руки, сказали—„помяни, батюшка“.

— Не правда! Старуха сказала „помяните, батюшка“, а Вася тут был. Она даже поглядела на него.

О. Афанасий смеется.

— Марья Захарьевна, это же юриденция, с позволения вам сказать. Я не адвокат—разбираться в тонкостях. А что касается Василия Спиридоныча, то он очутился в дому у меня совершенно случайно.

Псаломщица подходит вплотную.

— Хорошо значит, вы присваиваете поросенка?

— Страчно.

— Значит, вы хотите один растолстеть?

— К чему такой допрос?

Псаломщица ногой толнула.

— Н—нет! Мы не будем есть, и вы не будите есть.

О. Афанасий схватывает себя за виски обеими руками, трагически кричит.

— Боже мой, лучше бы совсем не приносили мне этого поросенка.

Входит Отроков в одном пиджаке. Лицо взволновано, губы дрожат.

— Этого дела я так не оставлю. Имейте в виду.

О Афанасий обиженно.

— Кляузник.

Шея у Отрокова вытянута, голова на бок.

— Как вы сказали? Повторите пожалуйста.

О. Афанасий держится рукой за грудь, очень уж сердце стучает ненормально

— Идем, Маруся. Этого я так не оставлю.

6.

Ночь. Поет сверчок за печкой.

Отроков пишет жалобу на о Афанасия. Уже заполнен целый лист—до конца далеко невозможно вместить обиду на одном листе, поглядывает на другой. Время четыре часа, глаза слипаются. Пишет, склонив голову на бок.

— Он—кадет, против коммуны слова говорит непристойные, ведет агитацию. Это не выдумка, можете подтвердить, если назначите следствие

Читает написанное, долго думает. Опять пишет.

— Сам я беспартийный, сочувствую всему коммунизму. Если представится подходящая должность, могу уйти из псаломщиков, к каковому нет естественного желания. Имею четыре класса образования и ревностное стремление.

Пишат мыши в подполье. Кашляют дети во сне. Тяжело дышет псаломщица носом. Отроков задумывается. Перечеркивает слово „стремление“, вписывает „усердие“. Опять перечеркивает. В голове висит паутина, мысли бьются, как мухи. Из устало-прищуренных глаз смотрит серая полусонная скука. Отроков прислушивается к мышинному писку, долго сидит неподвижно, и вдруг засыпает, положив голову на стол. Снится ему о. Афанасий. Подходит к столу, кладет заднюю ногу от зарезанного поросенка.

— Возьми и не греши.
— Извините, батюшка, теперь уже поздно. Я начинаю судебное дело.

О. Афанасий становится на колени, вынимает из кармана вторую поросенку.

— Возьми и не греши.

— Извините, батюшка, я начинаю судебное дело.

Вскакивает о. Афанасий, начинает кричать.

— Вы жалобу пишете? Я тоже напишу в трибунал. Что рассказывал про коммуны? Крышка ей? Я так и поставлю: „Это не выдумка. Можете подтвердить, если назначите следствие“.

Отроков просыпается потным, глаза непонимающие. Мыши в подполье пищат, сверчок за печкой поет. Псаломщица на кровати скоблит в голове обеими руками.

— Что уж ты, Вася весь керосин пожег.

— Злобно шипит на жену.

— Спи.

И сам ложится через минуту. Испуганный вскакивает: над кроватью стоит Трибунал в красной фуражке, пальцем показывает на Отрокова.

— Вот, этот самый Коммуну ругал.

7.

О. Афанасий ходит около сломанного полисадника утром. Ростом маленький, шапка подвинута по уши. Похож на гриб с большой головой. На ногах матушкины калоши.

Остров на крыльце посмеивается.

— Поишка!

А сердце бьет тревожно.

О. Афанасий налетает, подпрыгивает.

— Вы зачем полисадник сломали?

— А вы видели?

— Это подлость! Наглость!

— Батюшка, не выражайтесь, я не ругаюсь за самого себя.

Выходит псаломщица с криком.

— Все равно не жить вашему поросенку!

На нее—матушка с криком.

— Убьете?

— Своими руками задушю.

— А если ваши куры зайдут ко мне?

Мои куры не заходят к вам.

— Нет, заходят.

— Нет, не заходят.

Отроков кричит.

— Она уж хромает, Маруся.

— Которая?

— Черная. С большим хохолком.

Псаломщица ничего не видит, кроме черной курицы с большим хохолком. Еще минута—ударит матушку по губам.

О. Афанасий порывается что-то сказать, Отроков ловит его за руку.

— Позвольте, я сам видел, как ваши ребята гонялись за моей курицей.

Около полисадника собирается народ.

— В чем дело?

— Поросенка батюшка убил.

— Какого поросенка?

— Курицу.

Кто-то кричит из толпы.

— Записать его на красную армю, лучше будет.

Отрокову легче.

8.

Дома о. Афанасий обиженно ежится, грустно сидит за столом.

— Не суждено. Матушка, где помик?

— Зачем тебе.

— Нужно. Дай брусок.

Матушка догадывается.

— Эх, чунька, чунька.

О. Афанасий заочно говорит поросенку ласковым голосом.

— Не чуешь, брат ножик точить хочу. Не пришлось нам пожить—злые люди на горло наступают.

Поросенок бегаёт из угла в угол по кухне, скулит, прыгает на лавки, роняет чугуны с водой. Вахром, церковный сторож ловит его за ногу.

— Не ори.

Когда заносит правую руку с ножом, о. Афанасий кричит:

— Стой! Стой!

Отвернувшись, долго думает Видит псаломщика, «Комиссаров» отбирающих поросенка на красную армию, решительно говорит.

— Режь.

Отроков в это время гоняет батюшкиного петуха по двору у себя. Петух бросается вверх, падает вниз. Свой петух стоит на заборе с красными обезумевшими глазами. Отроков говорит ему.

— Ты не бойся. Тебе ничего не будет.

Батюшкин петух лежит на боку, дрогает ногами. Глаза мутнеют, заволакива-

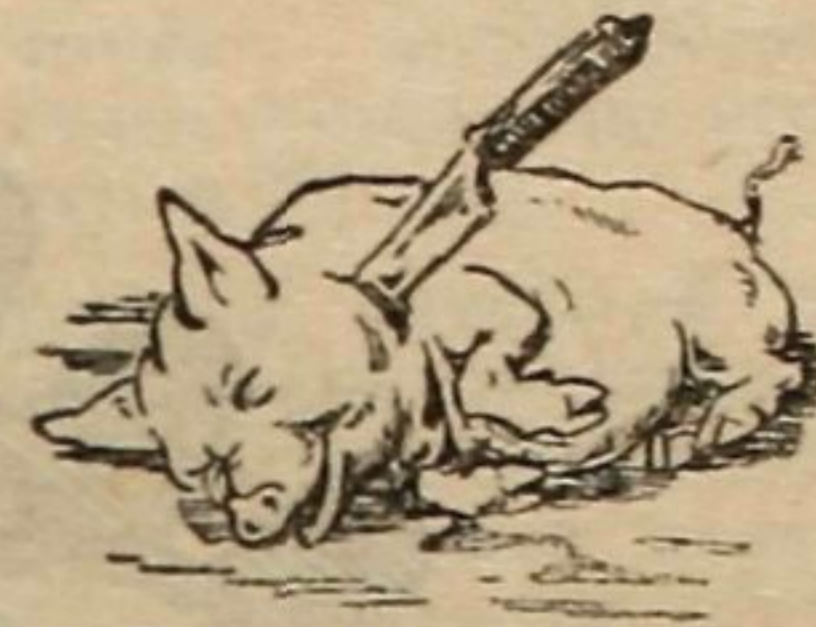
ются. В последний раз вытягивает шею, как будто подавился, остается лежать неподвижно.

Отроков берет его за ноги, выкидывает со двора.

— Я вас выучу.

Падает мокрый снежок. Вечер спускается. Слякоть...

Александр Неверов.

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПЛЕВКА.

Рис. худ. И. Малютина.

1.

На дуб—чуть не сорвался!—
Влез Мартов меньшевик,
И вот какой раздался
С зеленой ветки крик:

2.

— Совдеп! Как это грубо!
Какой дурной пример!
Плывать хочу я с дуба
На Р. С. Ф. С. Р.!

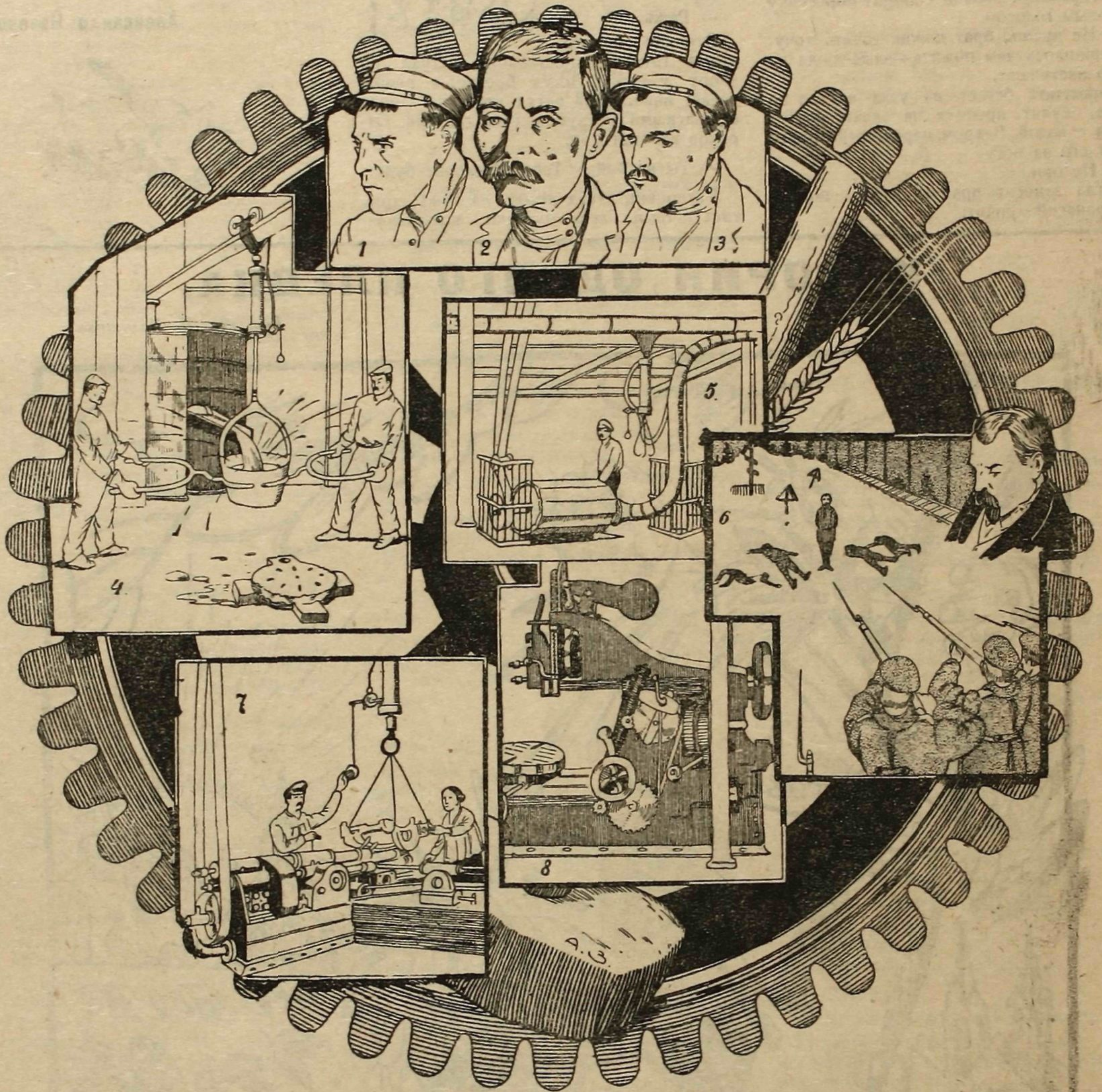
3.

И, вытянувши выю,
Он грозно стал кричать:
— „На Красную Россию
Плывать, плывать, плывать!“

4.

Пришлось, однако, туго:
К России путь—далек!
Увы, попал на друга,
Тот мартовский плевок!..

С.-х. машиностроительный завод в г. Люберцах.

1) т. Колпаков—замест. председ. фабзавкома 2) Вавилов калильщик, член ф.-з. к-та 3) т. Мартынов—секр. ф. з. к-та. 4) Литейно-формовочная, 5) Шлифовальный барабан с воздушным пылевсасывателем. 6) Расстрел семеновцами машиниста Ухтомского и его портрет 7) Механическая обделка форм с воздушным под'емником.

Завод назван именем героя-машиниста Ухтомского, расстрелянного отрядом полковника Римана в 1905 году. Когда вспыхнуло Московское вооруженное восстание в 1905 году рабочие Люберецкого завода, совместно с железнодорожниками, организовали боевую дружину, которая дралась на московских баррика-

дах, а другая часть дружины останавливала в Люберцах воинские поезда, и разоружала солдат, едущих с русско японского фронта, а отобранное оружие отсылала в Москву для дружинников. Когда Ухтомского арестовали в Люберцах, офицер ему заявил: „вы машинист Ухтомский, будете расстреляны“. Я

так и думал,—хладнокровно ответил Ухтомский.

На месте казни ему предложили завязать глаза. Он отказался, говоря, что встретит смерть лицом к лицу, отказавшись также повернуться спиной к солдатам. Ухтомский молча смотрел на приготовления к казни, как будто бы это была не казнь, а мчав-

шаяся даль, бегущая навстречу курьерскому поезду.

„Исполняйте ваш долг и вашу присягу,—обратился он к солдатам также, как я исполнял свою присягу, но наши присяги разные. Капитан, командуйте, раздался голос героя-машиниста. Грянул залп. Рабочие упали, пронзенные пулями. Ухтомский остался невредим. Солдаты целились мимо него, пораженные его героизмом. Со второго залпа он упал, но еще был жив и тогда капитан отряда прикончил его выстрелом в голову.

Именем этого героя-машиниста назван титан-завод, и в скрежете машин, станков и в свисте пара и клокотании замурованной массы расплавленного чугуна, фигура героя-машиниста стоит, как живая в памяти трудящихся. Вечная память и слава герою-машинисту Ухтомскому!

Б. Иванов.

Завод занимает 1½ квадратных версты. В его каменных корпусах сосредоточено около 44 заводских цехов. Сейчас на заводе работает около 1000 человек. При полной нагрузке на нем могут работать 6000 чел.

Завод отличается по технике оборудования, замечательной системой механических вентиляционных труб, которые протянулись по всем корпусам завода. Силою этих вентиляторов металлическая древесная и прочая пыль, дым, сирад уносятся трубами и автоматически попадают в печи, где они сгорают. Сила вытяжения настолько сильна, что в главную трубу около вагранки может быть затянут человек, если бы он стал в отверстие вентиляции и потому на заводе нет ни пыли, ни жары.

Глаза разбегаются от сплошных линий машин и станков. Вот 20 паровых молотов куют раскаленный металл. Вот давальная машина из огромных кусков толстого железа выдавливает сиденье для сенокосилок. Здесь огромный долбежный станок, долбит дыры в железных полосах: он несколькими ударами продалбливает железную плиту какой угодно толщины. Здесь станок как сахар кусает железные края шкивов и валов для машин. Кусочки от-

кусанного железа валяются на пол из под чудовища машины. Вот огромный сверлильный станок: сверлит поднесенную паровым краном металлическую часть жатвенной машины, просверливая сразу несколько дыр в разных направлениях. Вот машина, которая холодным способом вытягивает из толстых круглых кусков железа более тонкие. Здесь много машин и цехов, единственных по оборудованию и техники в России.

В огромной литейной мастерской, где расплавленный чугун течет из вагранки, как золотистая змея, чисто, прохладно. Паровые лебедки тащат этот чугун в большом котле, туда по линиям форм для литья. Эта литейная лучшая в России по оборудованию. Недавно завод отправил около 4000 машин в различные губернии России. Завод является собственностью американской компании жатвенных машин. Советская власть уплачивает компании десять процентов с общей валовой выработки завода. Завод потому не национализирован, что в России не существует производства металлической части для зубьев, жаток и сенокосилок, которые привозятся из Швеции.

НАШИ ФОТОГРАФИИ.

У кремлевских курсантов. Вольные движения „Красная звезда“.

У кремлевских курсантов. Прыжок, через барьер.

С процесса правых эсэров.

Т.т. Луначарский, Стеклов, Радек и Карпинский

Скамья подсудимых и защитники перед уходом процесса.

Спорт в Р. С. Ф. С. Р.

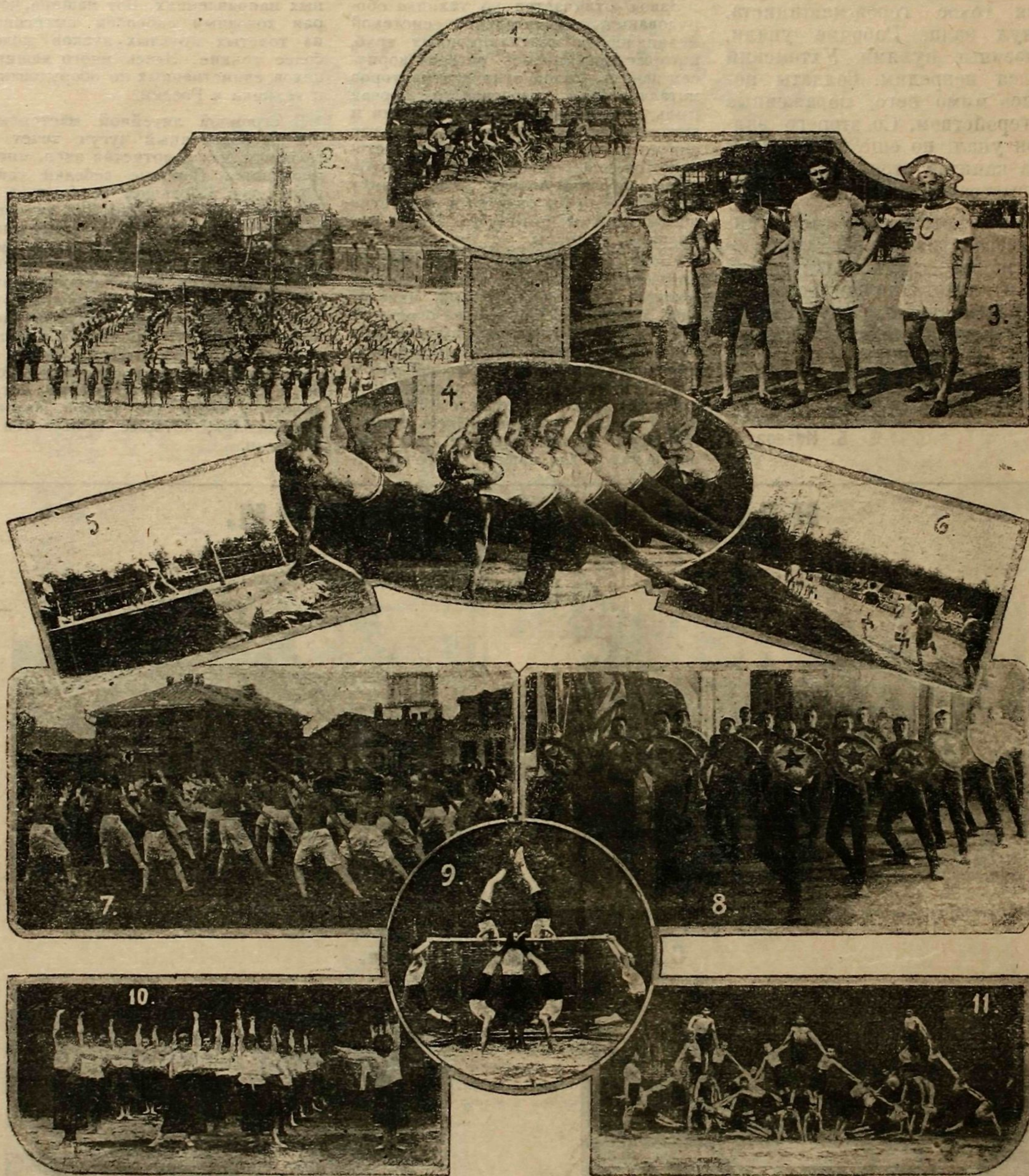
Спорт в Советской России развивается все больше и больше. Не только крупные города и столицы, но каждый провинциальный городок имеет свой спор-

тивный клуб и даже несколько клубов. Отдельные фабрики и заводы организуют у себя спортивные кружки и секции.

Рассадник спорта в республи-

ке—Всевобуч—все шире и шире разворачивает свою работу.

Массовые демонстрации и праздники спорта показывают, что спортивные организации рабо-

1) Праздник Всевобуча в Москве—соревнование на велосипедах 2) 3-я годовщина Всевобуча—школа Пермского теркадра. 3) 2-ой Спорт-клуб—Пермь 4) Моск. пехотн. курсы гимнастика 5) Москва—районный спорт-клуб. 6) Бег в Сокольниках (на поле О. Л. Л. С.) 7) Спорт. выступление соедин. спорт. групп Рыбинска, Ярославля и др. городов. 8) Моск. пех. курсы комсостава. 9) Годовщина Всевобуча в Витебске. (пирамида, 10) Витебск—вольные движения женской группы; 11) Витебск (пирамида).

тают не даром. Постепенно начинают интересоваться спортом и женщины, которые раньше как то сторонились от спорта и

физических упражнений. Теперь и они поняли, что только в здоровом теле может быть здоровый дух. Сов. России нужны люди

здоровые духом и телом. Вот почему спорт должен войти в обиход всех трудящихся.

В. К.

ФУТБОЛ.

Луг. Мельнанье ярких пятен
Половинчатых рубах.
Их азарт мне так понятен,
Их огонь горит в ногах.

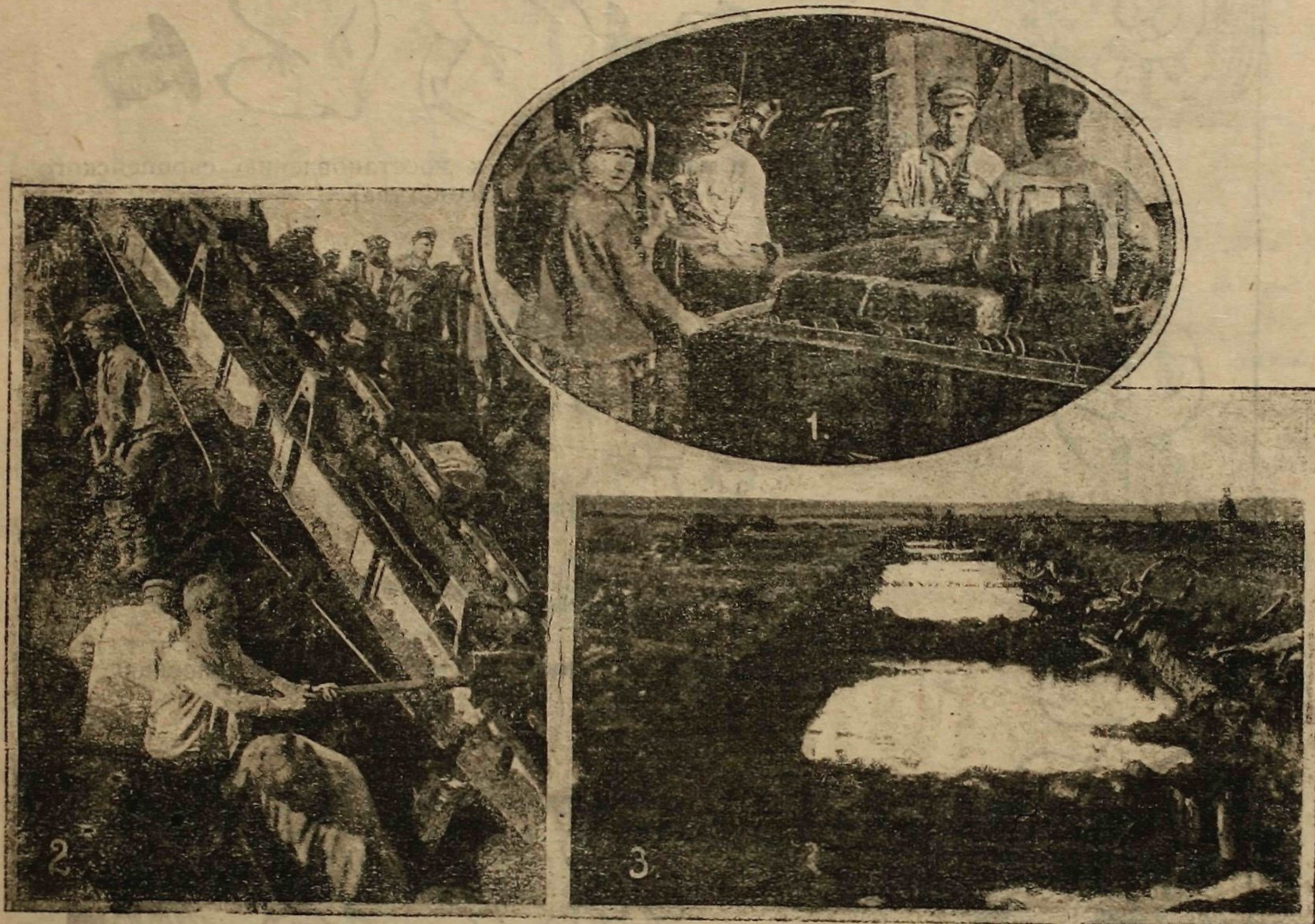
Мяч упругий звонко бьется
Над подрезанной травой,
То скользит, то вдруг завьется
Высоко над головой.

Вот звеня летит в ворота,—
Не попал, перелетел,
Миг... А снова взмахи, леты
Стройных, крепких, смуглых тел.

Лица потны. Взоры—смелы,
—„Пасс вперед! Наддай! Навесы!“—
Здесь справляют праздник тела,
Дух здоровый строят здесь!..

В. Кумач.

На торфяном заводе имени т. Каменева.

1) Слева—мальчик, делающий в день обеими руками 25.000 ударов ножом. (разрезка торфа). 2) Рабочие „скопинцы“ (Рязанск. губ.) на заводе
3) Общий вид болота.

24 июня состоялось торжественное открытие нового торфяного завода под Москвой за Спасской заставой в черте Моск. Окружной ж. д.

Работы на „торфянике“ начались 27 мая и к моменту открытия при 500 чел. рабочих заводом было выработано 120 000 пуд. торфа. В первый сезон выработка будет доведена до 500 000 пуд. В дальнейшем „торфяник“ сможет давать ежегодно около 2 миллионов пуд. торфа.

Один миллион пудов торфа равняется 4000 куб. саж. дров. Чтобы получить такое количество

дров нужно свести 80 десятин леса. Таким образом богатства „торфяника“—огромны.

Новый завод имеет очень большое значение для промышленности Москвы, тем более что он находится очень близко от станций Моск. Курской и Моск. Окружной ж. д. и недалеко от трамвайной линии. Доставка торфа на заводы и фабрики Москвы крайне облегчена.

По предложению завед. Москвотопом т. Лаврова новый торфяной завод будет называться: „торфяной завод им. председателя Моск. Совета т. Л. Б. Каменева“.

На торжестве открытия завода присутствовали представители Моск. Совета, различных топливных организаций и др.

После осмотра завода был устроен митинг и концерт. Участники открытия послали приветственные телеграммы т. Ленину с пожеланиями скорейшего выздоровления и „крестному отцу“ завода, т. Каменеву.

Открытие нового торфяного завода—должно быть праздником для всей московской промышленности: заводские топки и печи не будут голодать без „горючего—хлеба“—торфа.

В. К.

Международные спортивные игры.

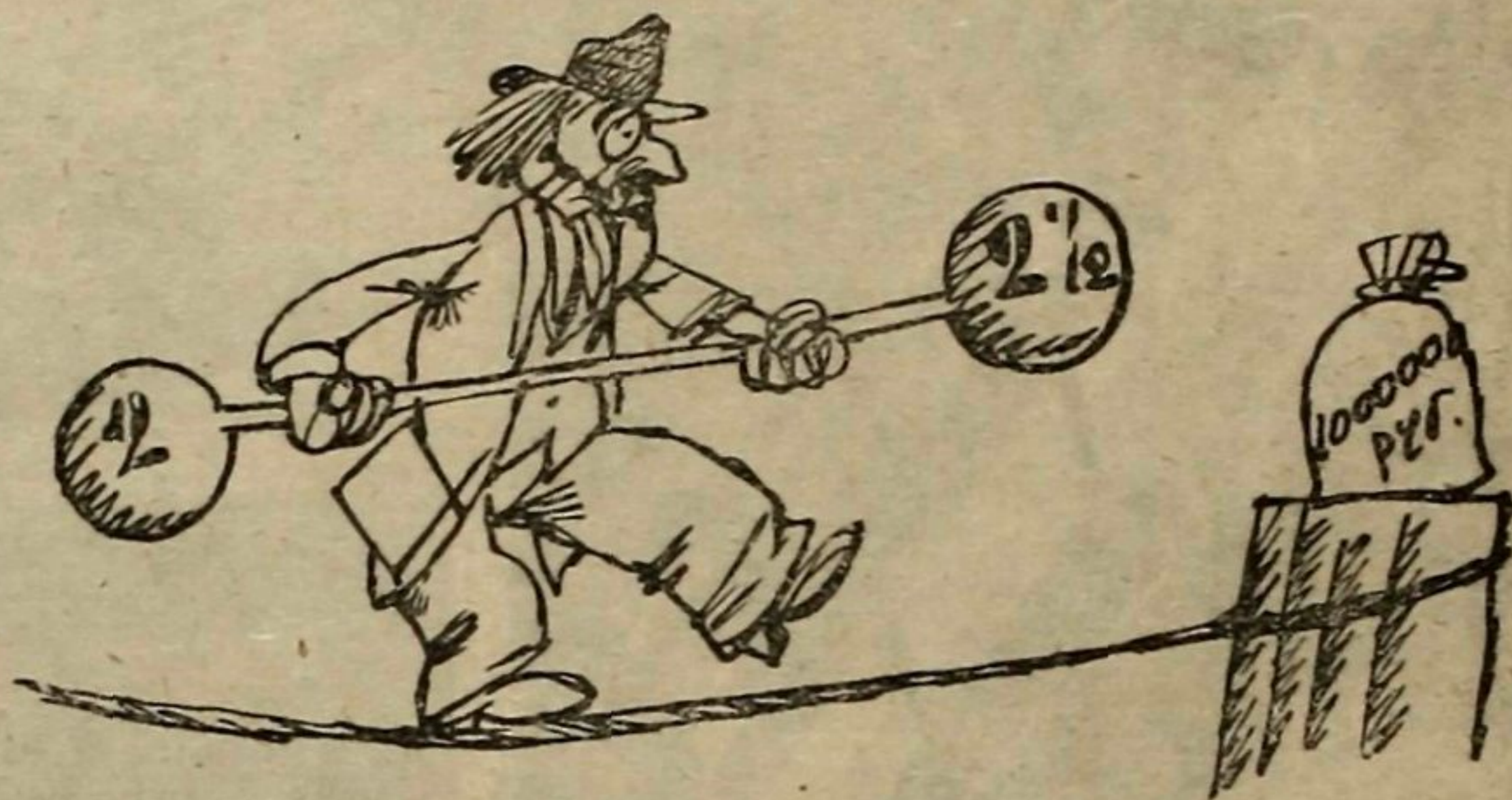
Рис. М. Черныха.

Лазанье на шест. (Излюбленный за последние пять лет вид спорта).

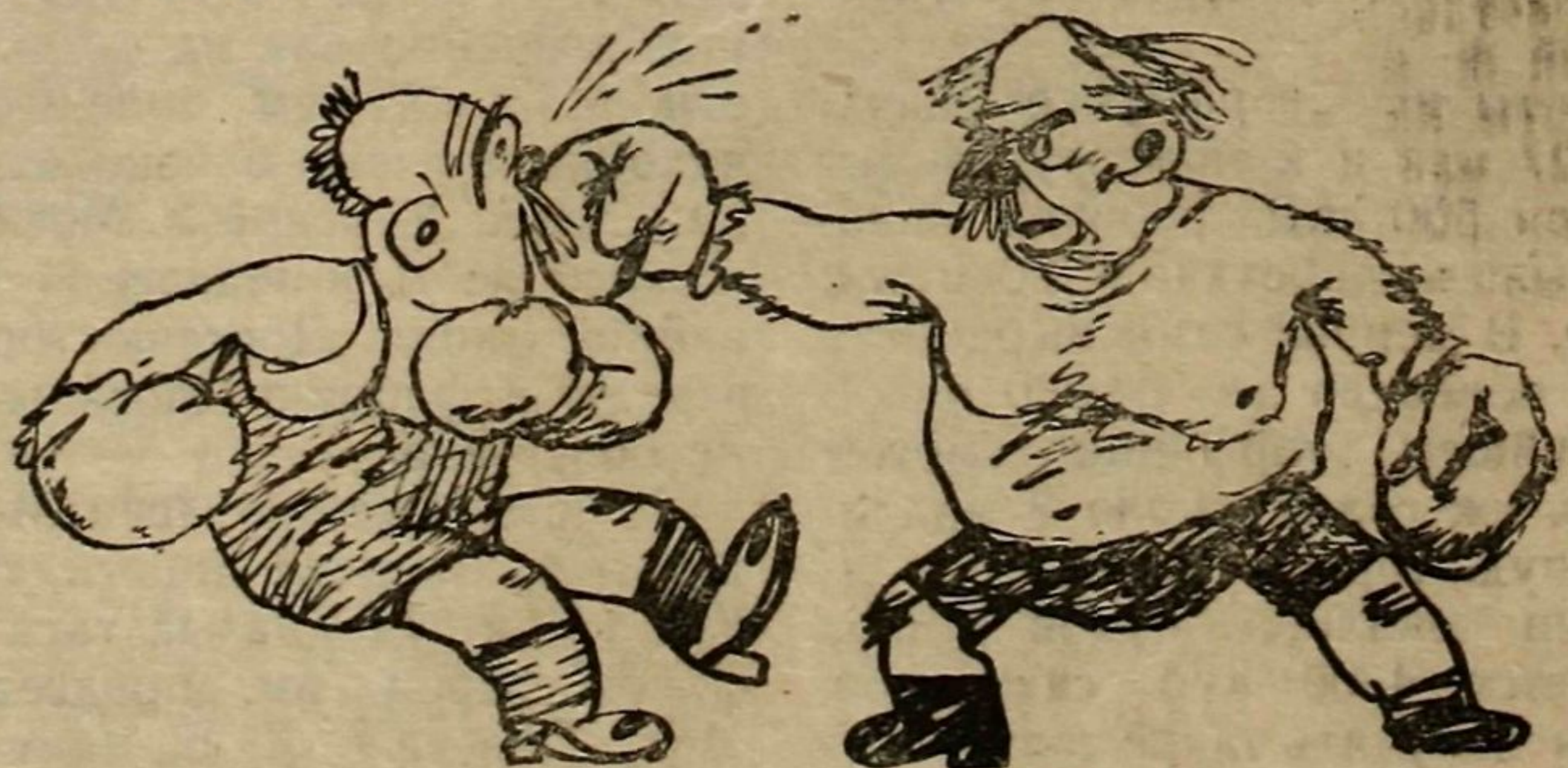
Бег в мешках. (Путь к восстановлению европейского хозяйства).

Хождение по канату. (Первенство за меньшевиками).

Футбол. (Москва—Гаага).

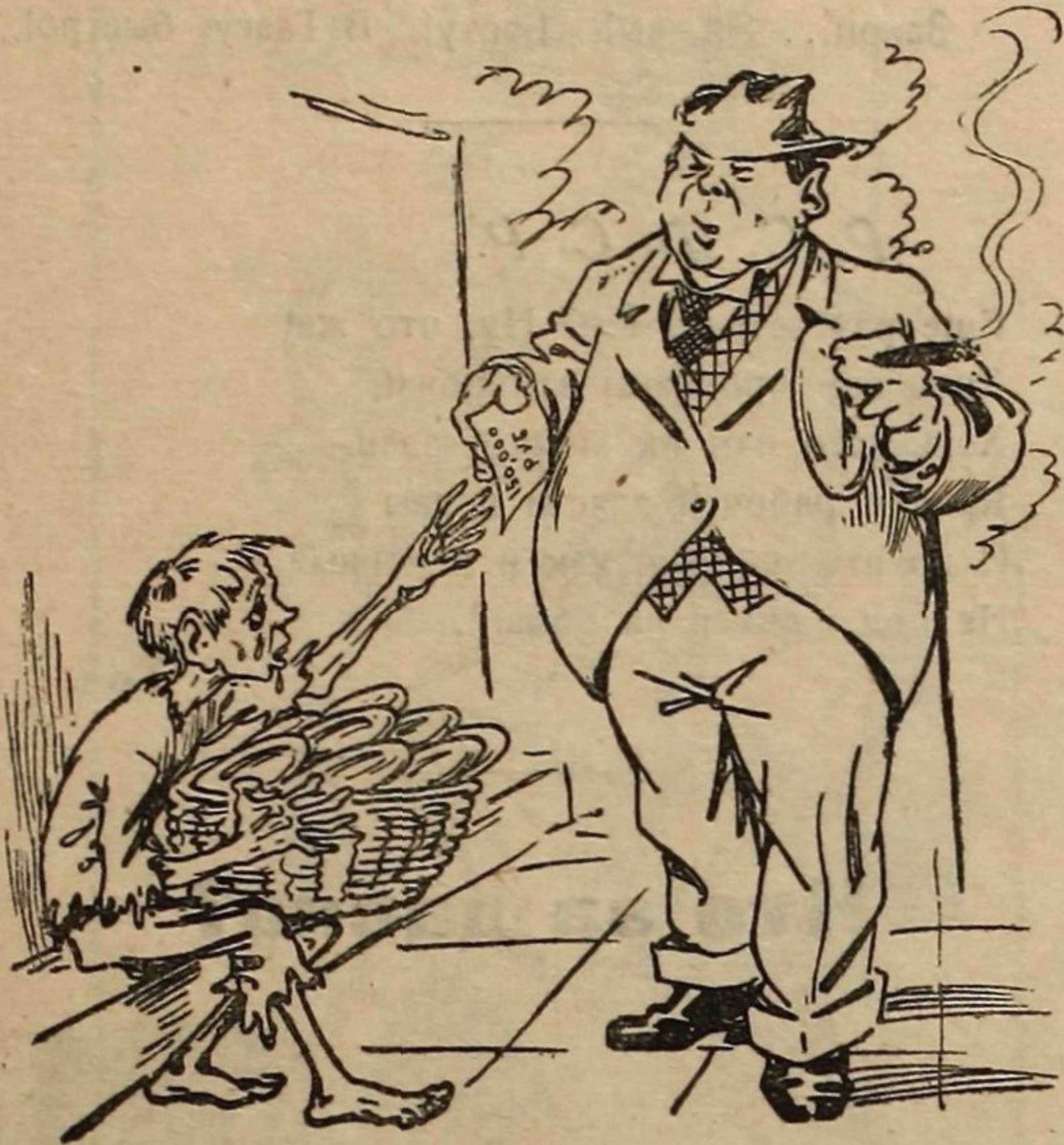

Англо-Французский бокс. (По русскому вопросу).

НАШ БЫТ.

Иллюстрации К. Фридберга.

Конкуренты.

Нэлман (покупая булку у мальчишки). — Черт знает что такое. От этих спекулянтов — житья нет. Наживают, подлецы, миллионы. Нашему брату, честному труженику от них житья нет... Кровососы!..

„Вот и речка, вот и мост“...

В Коломне не знали, что „обложить“, так ввели новый „налог“: за переход через мост — плати 50 000 рублей!

Рабочие, живущие по ту сторону Москвы-реки, к концу месяца не могут платить таких денег. Что же делать? Финотдел успокаивает: могут переправляться вплавь: за это пока „налога“ не установлено!

„Судак-пассажир“.

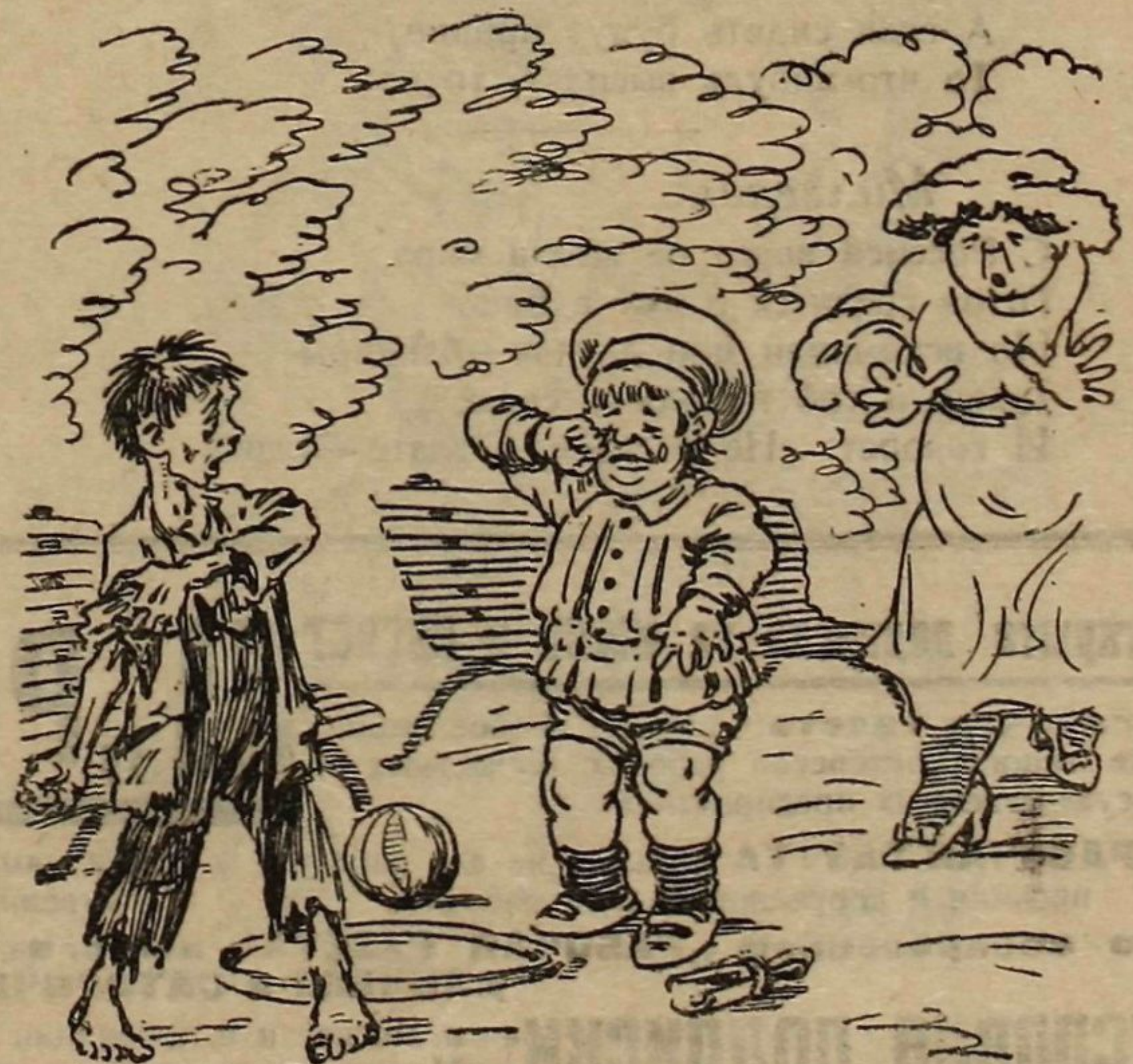

В Тверских трамваях берут одинаковые билеты и за пассажиров и за багаж. Наш корреспондент пишет, что ему пришлось взять билет за... судака, которого он вез с собой.

Кондуктор. — Пожалуйста два билетика, за вас и за судачка!

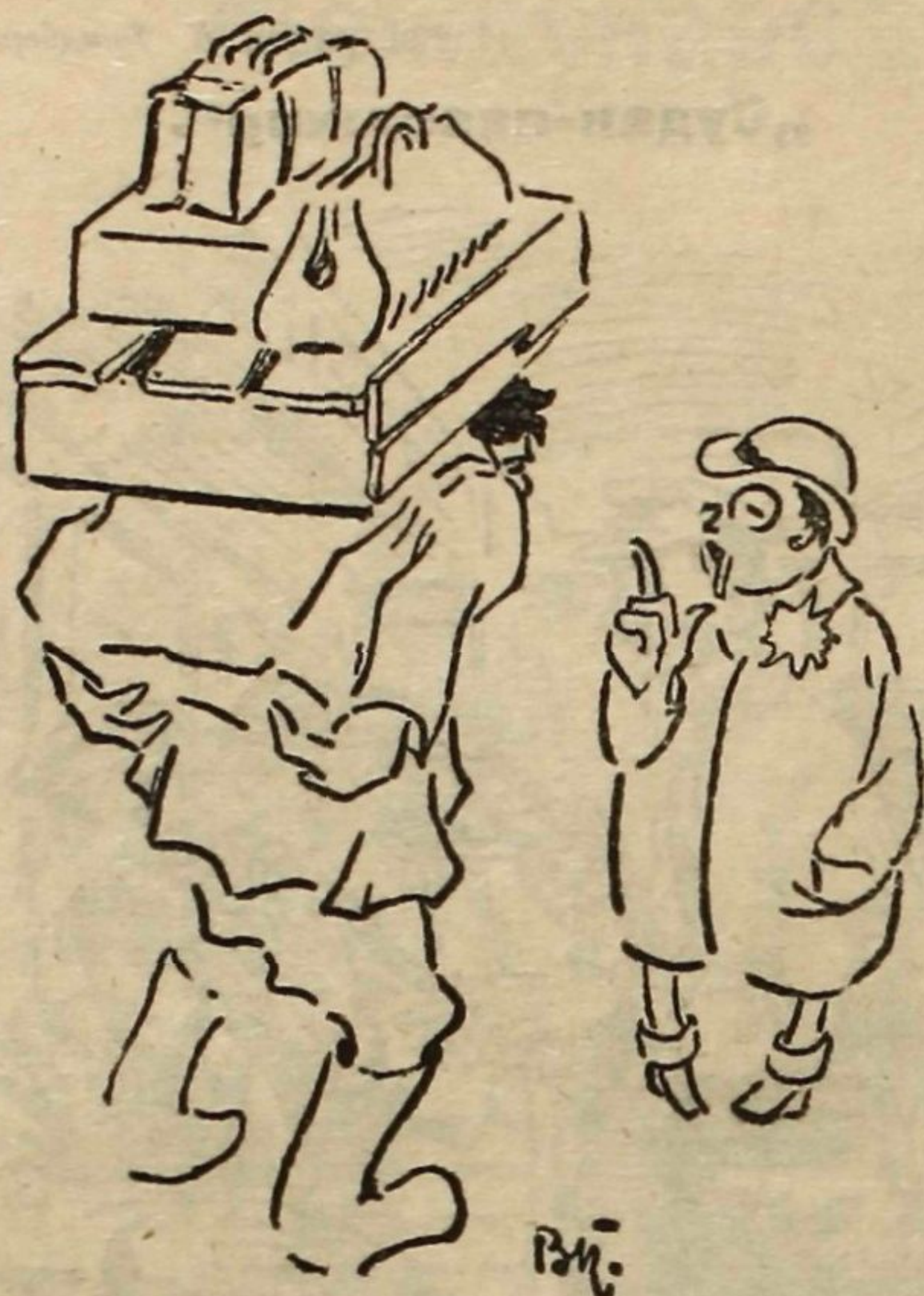
Рабочий. — Я только, что съел такого же жареного, что ж ты и, за него, пожалуйста, возмешь?..

Классовые враги.

„Мальчик в штанах“ и „мальчик без штанов“.

В бегах.

Возвращающийся в Россию из-за границы интеллигент (обращаясь к носильщику). — Почему вы так медленно ходите? — „За вами не поспеть, вы, ведь с 1918 года в бегах“!..

Мысли о Гааге.

Ллойд-Джордж:

Провалом затеи моей гегуэзской
Обязан я жаркому солнцу Италии.
Вот истый виновник всей страстности резкой,
Скандалов, интриг, и так далее.

Но я не теряю отваги.

Я вспомнил сейчас о Гааге.

Гаага—прекрасная дача на лето,

Бульвары, аллеи тенистые

Оттуда уехать желания нету

В столицы больные, нечистые...

А если сидеть будут прочно,

То что-нибудь высидят, точно!

Мильеран:

С Россией вовсе не желая мира,

Готов сразится с ней в бою.

Но вспомнили мои друзья—банкиры

Долги и собственность свою.

И говорят: „Не в славе, в злате—благо!“

Война—расход. Нам надобен доход.
Быть может, эта самая Гаага
Какой-нибудь процент нам принесет“...

Банкира воля—для министра

Закон... Эй, вы!.. Барту!.. В Гаагу, быстро!..

Р. С. Ф. С. Р.

Еще раз встретиться? Ну, что же!

Хоть нам противны эти рожи,

Хоть ясен нам их хитрый план—

Крепки рабочей власти нервы

И во вто ой раз, как и в первый

Не подл димся на обман!..

Топ.

Что за давка?

объявления о сдаче квартиры на Арбате.
(Почти с натуры).

Еще один повод для кассации.

Обвинитель. Обвиняемые правые эсеры...

Защитник (перебивая). Вот! Даже обвинитель говорит правые эсеры, во всех газетах об этом пишут, а почему-то судят их, как виноватых. Прошу завести в протокол.

В.

Открыта подписка на ИЮЛЬ и АВГУСТ

„Рабочая газета“ уделяет особое внимание защите интересов рабочих в частных и государственных предприятиях.

„РАБОЧАЯ ГАЗЕТА“, газета не для рабочих, а газета самих рабочих. Главное место на ее страницах уделяется статьям, письмам и корреспонденциям рабочих. Собственные корреспонденты за границей. Много рисунков, карикатур.

По воскресеньям „РАБОЧАЯ ГАЗЕТА“ выходит с бесплатным, для подписчиков, ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМ И САТИРИЧЕСКИМ ПРИЛОЖЕНИЕМ.

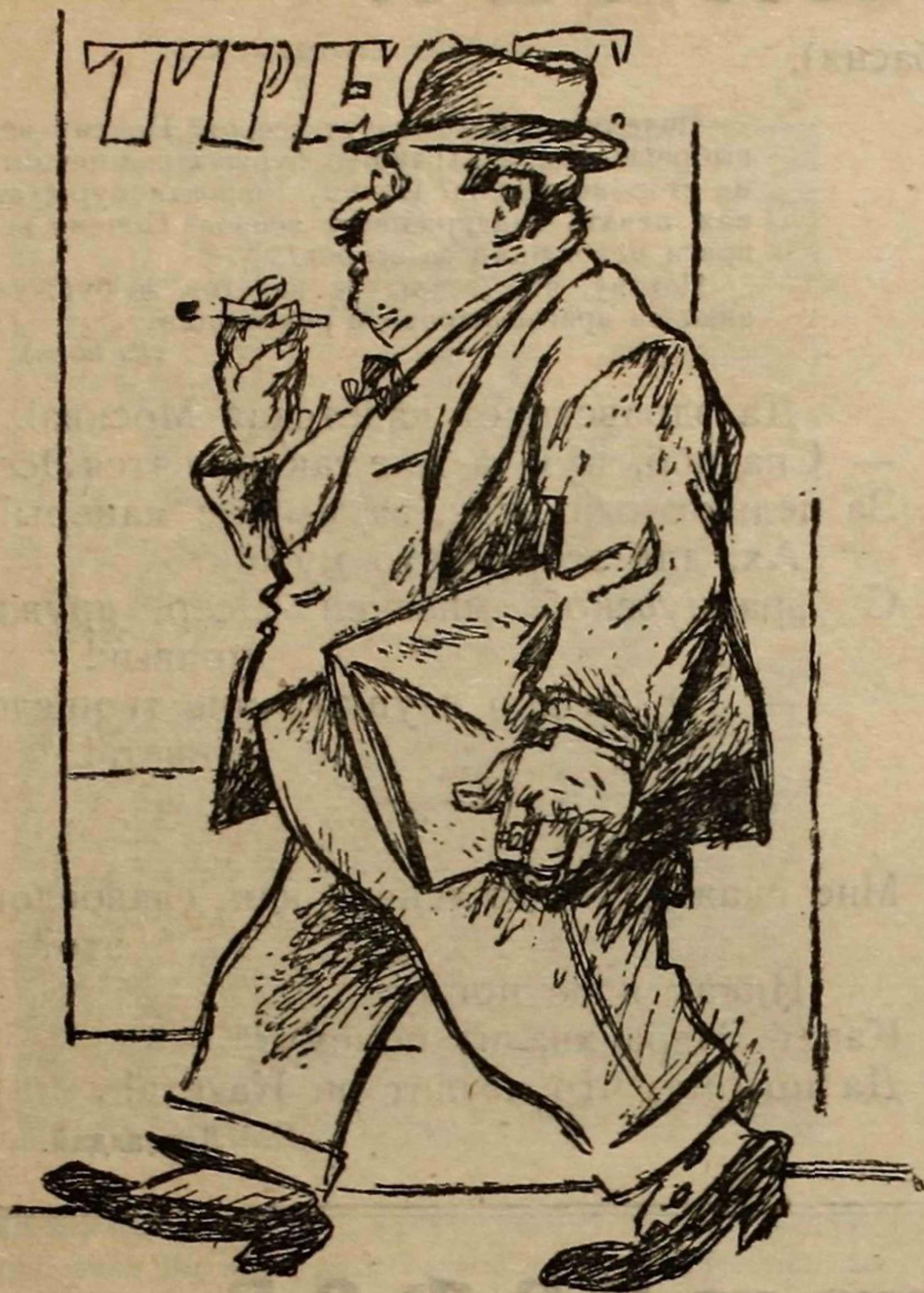
УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: в Москве и в провинции с доставкой и пересылкой на июль 80 руб., на август—100 р. Можно подписываться сразу и на два мес. Подписная плата увеличена не будет. Подписка должна адресоваться исключительно в Главную Контору газеты „РАБОЧАЯ ГАЗЕТА“: Москва, Страстной бульвар, Путинковский пер., д. № 3 (быв. „Утро России“). Суммы указаны в дензнаках образца 1922 года.

НА „РАБОЧУЮ ГАЗЕТУ“.

ТИПЫ НЭПА.

Комиссионер.

Конотка.

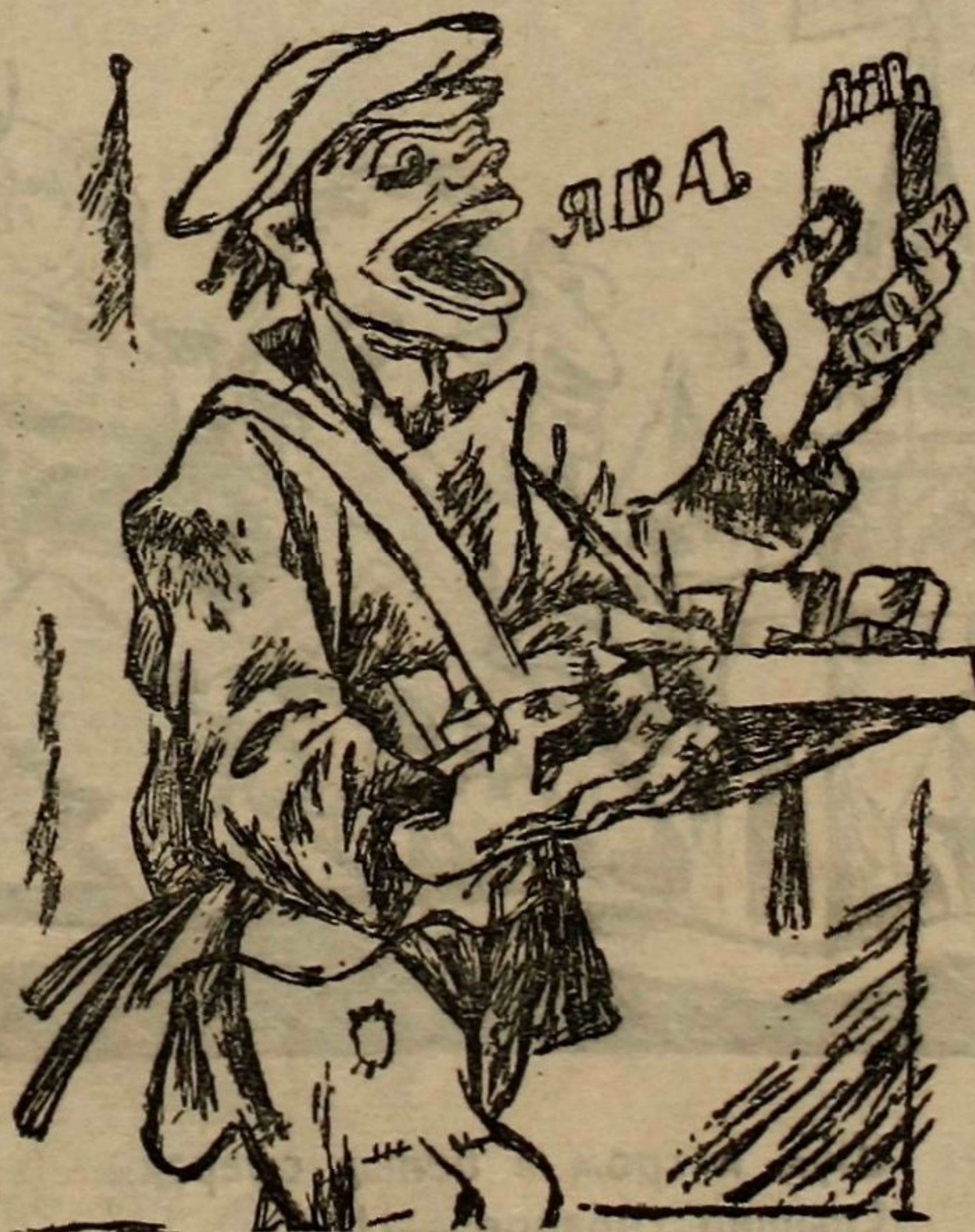

До Нэпа толкался по улицам слепо,
Продавал на рынке штаны и ботинки,
А теперь он из треста в трест бросается
И живет жизнью биржевого зайца.

До Нэпа жизнь Ниночки слагалась нелепо.
С Нэпом—у Ниночки высокие ботиночки.
Если так пойдет дальше,—рассуждает Нина,
То будет и пианино.

Содержатель шашлычьи .

Папиросник.

До Нэпа сидел в подвале, как в стенах склева.
Теперь рассеялась точка обычная:
Из склева родилась шашлычная.
В той шашлычной подают (кра-со-та!)
Шашлык из настоящего сибирского козла...

До Нэпа с мальчишками дрался свирепо,
А теперь подрос и стал торговец папирос.
Так и промышляю, на взрослых глядя.
Только не заметил бы меня Р. К. С.—мский дядя!..

ЭСЕР И КАДЕТ.

(Не басня).

Почему кадеты хвалят эсеров? Почему вся выброшенная за границу буржуазная нечисть на стороне эсеров? Почему мировая буржуазная печать поддерживает эсеров? Почему все враги революции за эсеров?

Потому, что эсеры за кадетов, за буржуазию, за врагов народа и революции.

(Из газет).

— „Как, миленький Эсер, поешь ты громко, важно!“

— „А ты, мой друг Кадет, Как тянешь плавно и протяжно!

Оратора, как ты, во всей России нет!“

— „Эсерик мой, твое я вечно-б слушал слово...“

— А ты, Кадетик мой, божусь,

Лишь только замолчишь, то жду я, не дождусь,

Чтоб речь свою ты начал снова!

Ну, что за мудрые слова:

Строй большевистский гадок!

Долой большевиков! Да здравствует порядок!

Да здравствует кадетская Москва!..“

— Спасибо, кум, а мне так нравятся Эсеры За деликатный вкус, за тонкие манеры!

Ах, для эсера—что мужик?

С французской миссией Эсер дружить привык!..“

— „О, сладко слушать мне твои слова привета!..“

Мне скажут:—„Об'яснить как славословье это?

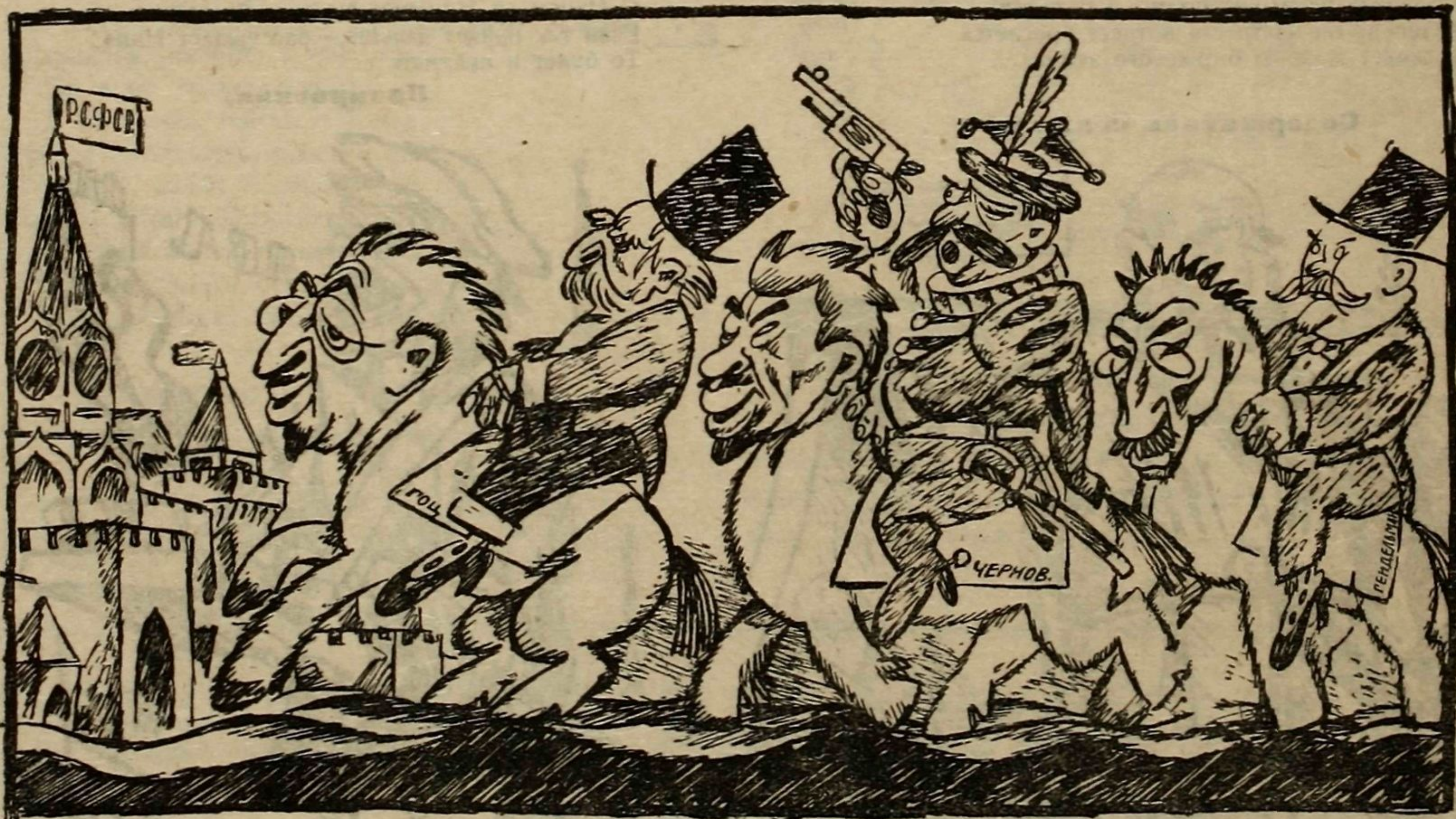
Никак я не пойму:

Кадет Эсера хвалит почему?“

Да потому, что хвалит он Кадета!..

Дарвалдай.

Кавалерийская атака на Р. С. Ф. С. Р.

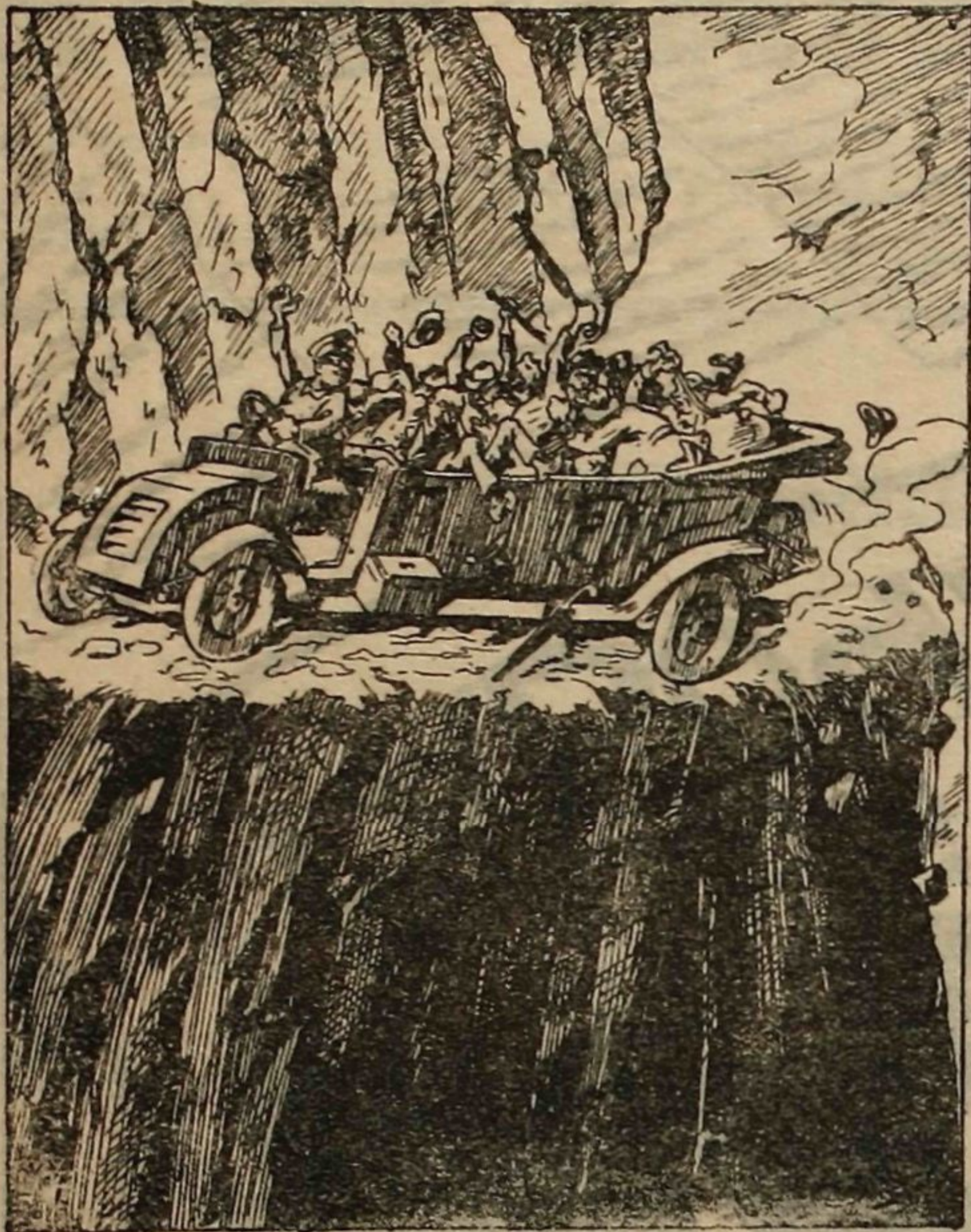
Шум и гром в белых сферах...
Слышно грозное:—«Ну!»
Капитал на эс-ерах
Едет в нашу страну!..

Только с видом унылым
Вы вернетесь назад:
Тщетно вы, с белым рылом
В красный пезете ряд!—

Страничка иностранного юмора.

(Из журналов „Симплиссимус“, (Мюнхен) и „Дер варз Якоб“ (Штутгардт).)

Рискованное путешествие.

Шоффер (обращаясь к германскому правительству), Судари, если вы не будете спокойнее я не ручаюсь за машину. Не забудьте, что мы на краю пропасти!

СТОП!

Америна (осаживая Францию): Прежде чем, начинать новую войну, заплати за старую!..

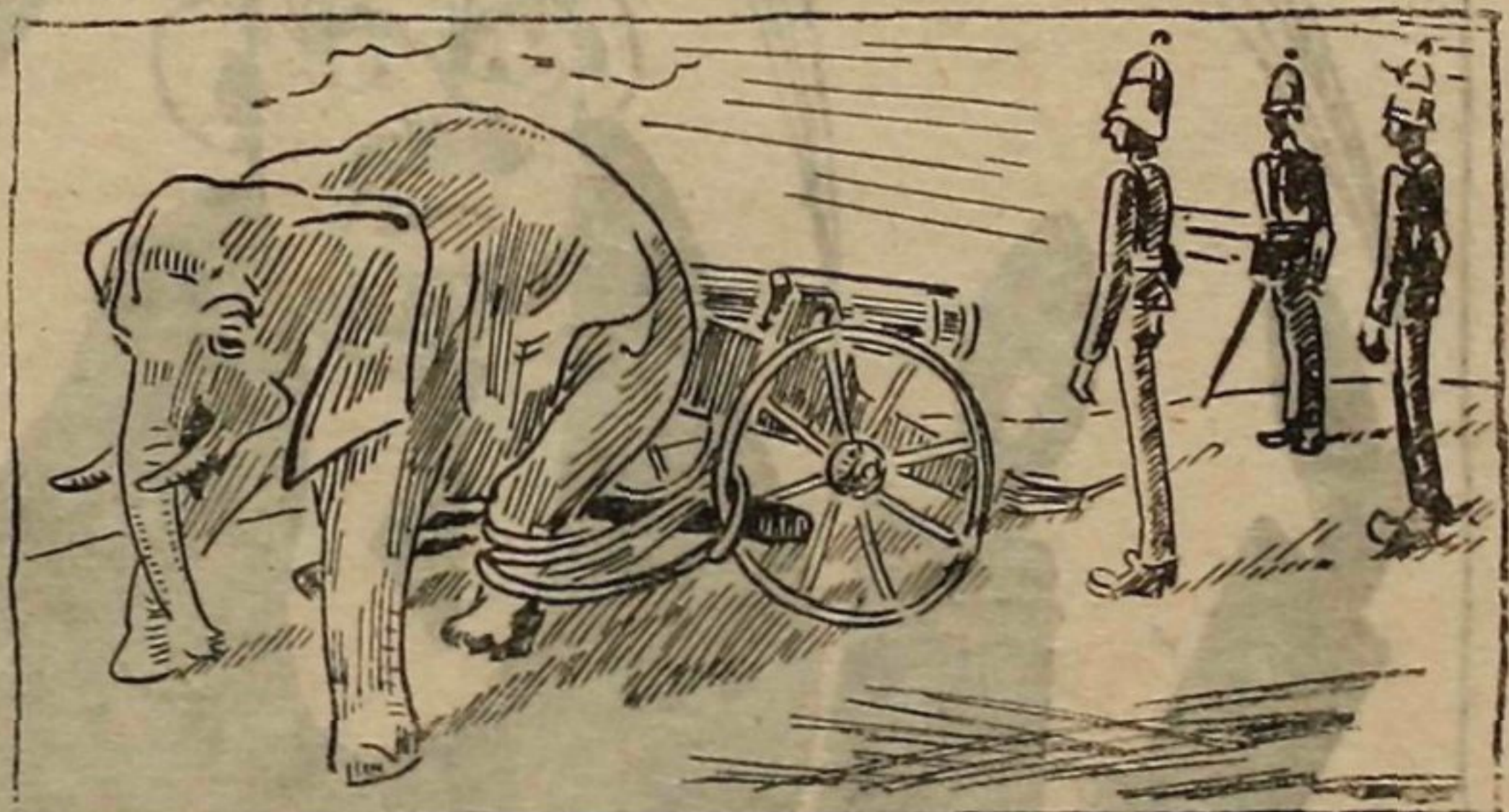
Французское правосудие.

Что тяжелее: мой меч, или параграфы рассуждений о справедливом мире?!

Англичане в Индии.

„Английские войска в Индии все усиливаются“ (Из газет).

Индийского слона заставляют возить английскую пушку.

Что будет, когда это ему окончательно надоест!..

„Рабочая газета“ объявляет амнистию Вандервельде и его друзьям.

„РАБОЧАЯ ГАЗЕТА“ (говорит, стряхивая Вандервельде и его друзей со страниц):—Набил ты моим читателям оскомину вандервельдскую, надоело им слушать твою речь канительную, из номера в номер наши писатели на тебя много желчи потратили... Конец пришел их писательскому лаю: амнистию Вандервельде объявляю! Но редактором отдан приказ: ежели ты навандервельдшь еще раз—„Рабочая газета“ опять возьмет тебя в работу и даст на орехи королевскому патриоту!. Никакого уважения у нас не будет к твоим высоким постам: отчехвостим тебя и друзей твоих по мягким местам!..